

Луч света упал в воду, и прозрачная вода пруда медленно расступилась, освободив пространство. Ши Сюнь поместил туда Красный лотос, который сам создал пузырь, и вода снова опустила его на дно.

Всё ещё не успокоившись, Ши Сюнь создал в долине неприступный барьер.

— Гу Яо, вероятно, наша карма длилась только эти три года.

— Я должен вернуться туда, где мне место, и делать то, что должен. Но продолжать заботиться о тебе — это не мой выбор.

— Ты не можешь расти и не можешь уйти сам, поэтому я могу только спрятать тебя здесь.

— Барьер, который я создал, смогут разглядеть лишь самые могущественные бессмертные. Надеюсь, что когда-нибудь они пройдут мимо и заберут тебя, или ты сможешь вырасти и встать на путь cultivation. Если нет... то просто живи здесь, тоже хорошо, правда?

Произнося эти слова, он был спокоен, но в его голосе звучали искренние горечь и сожаление. Последняя фраза была особенно тяжёлой.

— Ты ещё всего лишь булочка, может, и не понимаешь, что я говорю. Но я всё равно хочу сказать тебе: встретить тебя было прекрасно. И то, что ты выбрал быть рядом со мной, тоже прекрасно. Если однажды я смогу вернуться, а ты всё ещё будешь здесь, я обязательно выращу тебя белым и пухленьким, и снова буду кормить тебя кашей. Хорошо?

□

Солнце и луна текут, как река, время летит, как стрела. Время — словно невидимая рука, вращающая колесо времён года, неумолимо толкая все события и судьбы вперёд, к далёкому и недостижимому будущему.

Прошло два цикла смены времён года. Красный лотос в мелкой долине разорвал водную завесу, разрушил неприступный барьер и, тяжёлый, всплыл в мелкой долине Долины Короля Снадобий, неся на себе Гу Яо и его бирку с датой рождения.

Не прошло и дня, как его обнаружили патрулирующие долину ученики и забрали с собой.

«Желанье смертных — к востоку вновь, а изумрудный блеск — на западе всё так же» — Мэн Цзяо, «Вечерняя песнь о снеге».

Ночное небо было безмолвным, прохладный ветерок ласкал всё сущее, оставляя лишь тихий шёпот листьев в ответ.

Вечерняя прохлада окутала всё. Листья, ветви, цветы и всё живое, что днём радовалось солнцу, теперь мягко укрывалось в грёзах, сплетённых для них ночью, и в тишине оставалось лишь спокойное дыхание и ароматы.

Подняв голову, можно было увидеть, как безбрежная Млечная Путь занимала всё небо. Глядя вперёд, взору открывались горные хребты, наслаивающиеся один на другой, и было неясно, где реальность, а где иллюзия.

Ши Сюнь сидел сгорбившись, левый локоть опирался на согнутое колено, а костяшки пальцев упирались в лоб. Вся его поза была расслабленной. Его одежда цвета слоновой кости под звёздным небом и в отблесках красных клёнов казалась ещё более холодной и щемяще одинокой. В правой руке он сжимал костяной свиток цвета пепла, и печать Небесного Дао давила на всё вокруг тяжестью.

В свитке было всего несколько слов, но они несли в себе силу, казалось, способную поколебать миры.

— С сегодняшнего дня можешь свободно перемещаться по всем шести мирам.

С момента его рождения в мире Цанчжу прошло уже шестьдесят пять тысяч лет. И теперь ему так просто разрешили покинуть его. Странное дело, недаром он сомневался.

Вспоминая те тёмные, беспросветные дни перед возрождением... хм, Зверь Десяти Тысяч Зол. Кроме него, вряд ли было что-то ещё, для чего мог понадобиться Ши Сюнь.

В 45 000 году по календарю Небесного Дао, Мир Богов и Царство Демонов, как первые из шести миров, обрели форму. Однако их злобное соперничество и бесчисленные убийства принесли бедствия всему шестимирью, и бесчисленные души скитались по свету. Ненависть, злоба и прочие эмоции погибших собрались вместе, породив могущественное первородное чудовище — «Зверя Десяти Тысяч Зол», который бродил по землям Мира Людей.

А человеческая природа, смесь бесчисленных чувств, делает людей хрупче всего в этом мире. Так, что обычные гордыня, зависть, гнев, жадность и жестокость с лёгкостью могут подчинить их себе и так же легко стали главным сознанием Зверя Десяти Тысяч Зол.

После долгой войны Зверь был почти полностью истреблён огнём возрождения Феникса и Фэнхуан, но одна искра его изначального духа, сохранившая чистоту, сумела избежать контроля древних божественных существ и затаилась в шести мирах.

Двадцать тысяч лет накопления привели к тому, что ныне Зверь Десяти Тысяч Зол давно возродился, явно и тайно сея хаос в шестимирье, от лёгких потрясений основ духовной энергии до серьёзных смут.

Послать его разобраться с ним? Да, это то, что должно сделать Небесное Дао.

Подсознательно Ши Сюнь это признавал. Но с тех пор, как он получил костяной свиток от Небесного Дао, прошло уже полмесяца, а он всё ещё не давал ответа. Он просто не мог убедить себя подавить ту тень сомнения, что таилась в его сердце.

Прожив прошлую и нынешнюю жизнь, он боялся лишь двух вещей: наступить на те же грабли или больше никогда не встретиться. И, как нарочно, обе эти вещи прочно связывались с этим «нисхождением в низшие миры».

За последние тридцать лет он не знал, жив ли нынешний Го Мо. Но если они встретятся в неподходящее время, Ши Сюнь боялся, что три года, потраченные на то, чтобы похоронить боль, не спасут его от того, чтобы в безумии не убить его тут же.

Для него, если бы он не встретил Го Мо, та боль из прошлой жизни, возможно, уже была бы погребена в тех трёх годах, что он провёл с малышом. Но счастье забыть труднее, чем боль. Та простая жизнь, словно «язва, приросшая к кости», глубоко врезалась в его жизненный путь.

Тот ребёнок, маленький и мягкий, как и те счастливые мгновения, пустил корни в его давно одиноком сердце. Но теперь он его потерял.

Ши Сюнь дал обещание Гу Яо. Сейчас был лучший шанс. Порядок Небесного Дао, позволив ему спуститься в миры, дал ему эту причину. Решительно, это не будет похоже на прошлую жизнь, полную страданий. Может, даже разрешат вернуться с ребёнком. Лучше и быть не может, правда?

□

Холодная, безлюдная ночь постепенно угасала. Утренний ветерок, играющий бликами света, мягко опускался на землю.

Только теперь мы смогли разглядеть, что под деревом, кроме Ши Сюня, было ещё одно странное маленькое существо. Оно свернулось клубком на сложенной в несколько раз одежде у колыбели, и его спина медленно поднималась и опускалась в такт дыханию.

Шёрстка существа была белой, постепенно переходящей в серый, а его яркие глаза, мелькнувшие при неосторожном движении, горели. Оно пробормотало что-то и проснулось, неуклюже поднялось, пушистой лапкой почесало нос и направилось к ногам Ши Сюня.

Его размер был примерно с две ладони взрослого человека, так что любой мог легко перешагнуть через его передние лапы, подхватить под живот и без труда поднять.

Сначала кажется, что это тигрёнок, потом — что львёнок, а в спокойном состоянии оно и вовсе

лениво, как кошка. Кажется, сколько ни всматривайся, точно описать его невозможно.

Ши Сюнь, продолжая сидеть и поглаживая костяной свиток на коленях, спросил:

— Лин И, Нихуан ещё придёт?

Маленькое существо по имени Лин И прищурило сонные глаза и ответило:

— Придёт, придёт, обязательно придёт.

Едва звук его голоса затих, как пронзительный крик прорезал утреннюю лень. Звук ещё не успел исчезнуть, как появилась женская фигура.

Пришедшая была одета в лёгкое платье до пояса бледно-красного цвета, но её подол переливался всеми цветами радуги, на солнце при движении сверкая девятью цветами. В волосах у неё была шпилька «Разноцветная птица» из зелёного дерева, а ещё — только золотая вышивка птицы Фэнхуан на воротнике. На запястьях и талии — чёрно-золотые наручи и пояс, на поясе висел тугой шёлковый мешочек, неизвестно что хранящий. Больше никаких украшений не было.

Полусогнутая спина Ши Сюня выпрямилась в тот миг, когда раздался крик. Его пальцы слегка задрожали, и он нечаянно уронил костяной свиток на землю.

— Нашла его? — Его голос был неестественно спокоен, но при внимательном слушании нельзя было не заметить хрупкую надежду в нём.

На лице девушки читались вина и лёгкое беспокойство.

— Нет.

Выражение лица Ши Сюня мгновенно потемнело, приподнятые плечи опустились. Не было никакой неожиданной реакции, лишь возврат к прежнему, безмятежному, как стоячая вода, состоянию.

Видя, что оба долго молчат, Лин И, всё это время лежавшее на полу ши Сюня и облизывавшее лапку, наконец бросилось к пришедшей, по-настоящему забежав от радости:

— Сестра Нихуан!

Пришедшая девушка была единственной Фэнхуан во всех шести мирах, Нихуан, ту, кого в мире называют Фениксом — «Юаньчу».

Нихуан притянула её к себе, легонько потянув за ушко, и подшутила:

— Растолстела так, что тебя могут поймать и сварить из тебя суп с косточками.

А катающееся существо и не думало воспринимать эти слова всерьёз, продолжая трясти пушистым хвостом и валяться на траве, выставя круглый животик, размахивая всеми четырьмя лапками и изо всех сил теребя траву, словно самый озорной семи- или восьмилетний ребёнок.

Нихуан рассеянно теребила ушко Лин И. В её глазах то безмятежное спокойствие, что видел в себе Ши Сюнь, было больше похоже на потерянность. Она слегка успокоила дыхание, подняла с земли костяной свиток, и всё прежнее беспокойство исчезло с её лица, сменившись шутливой насмешливостью.

<http://bllate.org/book/15523/1379768>